К ЧИТАТЕЛЮ

Великий русский математик и изобретатель Пафнутий Львович Чебышев (1821–1894) как-то решил прочитать лекцию, посвященную математическим основам раскройки платья. Но собралась не совсем предвиденная аудитория: портные, модные барышни… Тогда Чебышев решил начать следующей фразой: «Предположим для простоты, что человеческое тело имеет форму шара…» Помогло (аудитория поредела) *.

Обращаясь к православной догматике, мы, конечно же, должны помнить, что мнение, будто человеческое тело имеет форму шара, хотя бы и только лишь по воскресении, было анафематствовано поместным собором в Константинополе в 543 году в числе заблуждений оригенистов (см. ниже, с. 243). Кто именно из оригенистов пытался ввести это заблуждение в христианство, мы так и не знаем, но понятно, что источник его—в платоновском представлении о шаре как идеальной форме.

Поэтому с шаром мы, в отличие от Чебышева и его целевой аудитории математиков, будем осторожнее, но это не помешает нам заметить, что их ситуация была аналогична нашей.

Слово «догматика», которое будет столь часто встречаться на этих страницах, обычно употребляется в смысле более узком, не-

---

* Этот анекдот о Чебышеве был рассказан Ю. М. Лотманом, а мною цитируется по: В. П. Руднев, *Словарь безумия* (М., 2005) 286.

жели это допустимо этимологически: не «учение» вообще, а только лишь учение Церкви, *выраженное на языке философских формул*.

Если начинать в этих формулах разбираться подробно, то быстро выясняется, что они ничем не легче математических.

К счастью, об учении Церкви можно узнать не только путем изучения философских формул—точно так же, как об одежде и даже способах ее покроя не обязательно (и даже лучше не) спрашивать математиков. Слава Богу.

Но у нас тут будет книжка для математиков… то есть, прошу прощения, для людей, интересующихся философией и историей того, как ее применяли для нужд церковного вероучения.

Поэтому—«предположим для простоты, что» слова «сущность», «природа», «ипостась», «энергия», «идиома» и им подобные постоянно встречаются в Евангелии, и наше дело—всего лишь научиться их там узнавать.

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Эта книга будет посвящена нескольким векам византийской философии и богословия—с V века до IX. Еще недавно об этих веках можно было узнать, главным образом, то, что они суть Dark Ages. Систематической истории византийского ученого богословия для этих веков до сих пор не было. Было много отдельных, иногда гениальных очерков, посвященных некоторым авторам или догматическим спорам этого периода,—например, Максиму Исповеднику и иконоборчеству,—но систематической истории так и не было создано. Получается, что о богословии и философии второй половины IV века, а также конца XIII–XV веков наши представления сейчас гораздо более полные, нежели для того периода, которому посвящена эта книга. Конечно, тут можно заметить, что между IX и XIII веками помещается еще более загадочная эпоха, средневизантийская, изученная еще меньше, но как раз для того, чтобы создать плацдарм для дальнейшего наступления в этой области, нам надлежит пока что заняться ранневизантийским периодом.

Такова главная тема этой книги.

Главная—но не единственная.

Несмотря на некоторую концептуальную сложность материала догматической полемики V–IX веков, автор попытался написать о нем так, чтобы сделать изложение доступным для человека, впервые обращающегося к патристике. Для этого пришлось

перемежать текст разнообразными методологическими отступлениями и, самое главное, посвятить несколько разделов патристике других исторических периодов. Хотелось бы сразу оговориться, что эти разделы должны рассматриваться как вспомогательные—для изучения ранневизантийского богословия,—а отнюдь не как самостоятельные очерки богословия соответствующих эпох.

Библиографическая информация сводится к минимуму. Особенно это касается изданий источников. Предполагается, что для внимательного читателя доступны все тексты на греческом языке, вошедшие в *Thesaurus Linguae Graecae*, где они легко могут быть найдены обычными средствами поиска (а это подавляющее большинство упоминаемых в книге источников на греческом языке). Кроме того, предполагается, что внимательный читатель умеет пользоваться справочниками *CPG* и *BHG*. В то же время, ссылки на справочные издания и исследования, которые приводятся в книге, означают их особенную важность для предмета изложения, и поэтому тем самым они, если можно так выразиться, «категорически рекомендуются» для дальнейшего изучения.

В написании главы, посвященной византийскому иконоборчеству, принимал участие Владимир Баранов, с которым мы прежде в течение нескольких лет работали над этой темой, тесно взаимодействуя, хотя и публиковались до сих пор по отдельности. Написанная нами в соавторстве глава о иконоборчестве не вполне повторяет наши прежние работы, а является последней, на сегодняшний день, редакцией наших общих взглядов на этот сложный период.

БЛАГОДАРНОСТИ

Идея к написанию этой книги была подана И. Евлампиевым, которого я хотел бы поблагодарить прежде всего.

Книга писалась при постоянном и благосклонном внимании читателей моего веблога на ресурсе Живой Журнал (http://www.livejournal.com/users/hgr), и всем им я выражаю свою живейшую благодарность. Наличие закрытых веблогов с возможностью собрать научную аудиторию—это еще не оцененное по достоинству качество современного Интернета, позволяющее совершенно по-новому поставить дело обсуждения научных работ в процессе их написания.

Особенно я хотел бы поблагодарить моего самого придирчивого читателя и критика А. Шуфрина. Многие из поставленных им вопросов для меня до сих пор не имеют окончательного ответа, и, возможно, мне придется еще не раз вернуться с поправками к освещению каких-то моментов, затронутых в этой книге. В этом смысле можно сказать, что книга является не более, чем одной из реплик в нашей бесконечной дискуссии.

Особо поблагодарить хотелось бы Г. Беневича, Д. Бирюкова, Н. Веселову, Е. Городецкого, А. Дунаева, Л. Карпычеву, О. Митренину, А. Муравьева, Е. Павленко, К. Хрусталева.

Не могу также не поблагодарить слушателей моих курсов по патрологии, читавшихся в разных учебных заведениях с 1990 по 1997 гг. Без тогдашних лекций не было бы нынешней книги.